

ПОЛЕТ НОРМАЛЬНЫЙ

Мне предстояла долгая поездка в Москву. Из Крыма вот только что пустили поезд, да у нас-то он не останавливается, а в соседнем поселке стоянка всего-то на две минуты. А что там за эти две минуты сделаешь? Ногу на ступеньку поставишь – поезд и уедет! У меня ж колени больные, блокадные, и так почти баба-яга. Хотя терпеть не могу, когда чужие люди, здоровые такие лбы, вдруг кличут «бабка», «бабушка» или еще «бабуля». Есть же «дама», «мадам», «Анна Вячеславовна», в конце концов. Вот это достойно звучит, мне нравится.

Я и полетела самолетом. Ух, как намучилась я! В одном только автобусе за три часа ноги сводит, да и непонятно все в этом новом аэропорту. Я-то когд-а-а летала – последний раз аж в 1990 году, тридцать лет назад, между прочим! С дочерью отправились в Свердловск на похороны. Сдуру полетела в ветровке. Отвыкла уже от холода, так на трапе сразу вспомнила: это тебе не Крым! Хорошо хоть, родственники сердобольные раскопали из старья своего фуфайки, шубейки, ботинки, каких не жалко. На похоронах подружки вздыхали еще: совсем, видать, дела у них не в ту гору идут, а вот вышла б замуж за Толика...

Потом я намотылялась с внуками туда-сюда, да только все на поезде. Как-то не хотелось мне на самолет, да и аэропорт у нас далековато. На поезд сел себе в купе, книжку читаешь, чаек пьешь, скан-

ворды разгадываешь, с соседями беседуешь, а детки между собой сами играют – красота же!

Детки-детки, выросли уже давно все, у самих скоро детки пойдут. Бабушка – это я еще привыкла, это мне еще понятно. А вот «прабабушка» – это что вообще такое? Так даже на улице нахалы всякие не говорят. Вот кричат тебе «бабушка», а ты обернешься и скажешь: «А я не просто бабушка, я уже пра!» Как будто бабушкой все и заканчивается...

Ой, глупости какие в голову лезут, это все от нервов. Аэропорт-то какой отгрохали, чисто дворец. Я видела, его в новостях даже показывали, хвалили очень. Нас теперь вообще-то часто по телевизору показывают, не то что раньше...

Подхожу к стойке, паспорт отдаю, сумку. Девушка в зеленом галстучке, неприветливая такая, говорит: – Выход на посадку заканчивается за 40 минут.
– А как я узнаю, когда посадка?
– Вас пригласят.

Пригласят так пригласят. Погуляла по аэропорту, смотрю – кафе. Захожу, а там один пирожок с капустой стоит девяносто семь рублей! Я так пулей оттуда вылетела. Это ж надо, да я за такие деньги дюжину пирожков напеку, да не с капустой, а с ягодой свежей, да и вкуснее в сто раз!

Съела мандарин, что из дома взяла. Погуляла. Заскучала да и вернулась за пирожком. Не на девяносто рублей, конечно, и тесто недосолено, но

ничего. Как в Москву приеду, дочке таких напеку, а то они все готовое покупают, а туда чего только не подмешивают, я по телевизору видела.

Сижу, газетку читаю, тут и слышу свое имя.

Показалось, наверное.

И тут повторяют, да еще и «пройдите на посадку». А, точно, говорили же, что пригласят! Чудно так, людей сколько сидит, а зовут только меня.

Иду я, иду по указателям. На досмотре бутылку воды отобрали, говорят, нельзя. А я и говорю, как нельзя, а что же вы с ней сделаете. А охранник, суровый такой мужчина, и говорит злобно: что-что, да сами выпьем, всегда так и делаем. Сколько смогла, выдула, крышку не закрутила и в урну бросила. А чтоб неповадно было! Вот вы крем свой выкинете, а его потом в таможенном конфискации продадут, я по телевизору видела.

Ковыляю я до стойки, а мне так обрадовались – за руки с обеих сторон как подхватили да до самолета самого довели, даже билет не спросили, люди такие заботливые! А там и девочка красивенькая такая, только дерганая, меня до места довела, усадила, ремешок застегнула туго так, вот только куртку отобрала. Главное, чтоб не украли ничего! У меня пенсия с собой в кармане внутреннем, нам только-только повысили с нового года.

Сижу я, сижу, а тут вдруг девочка, которая красивая такая, и мальчик, который не такой красивый, давай пантомиму показывать. Ручку туда, ручку сюда, жилетик накинули и крутятся. Я сначала не поняла, а потом гляжу: маску показывают, это ж нам объясняют, как спастись! А я-то, дура старая, и не смотрела, что, как и где!

Проходит мальчик и говорит:

– Обращаю внимание, что вы сидите около аварийного выхода. Изучите, пожалуйста, инструкцию и будьте готовы оказать помощь в случае необходимости.

У меня аж сжалось все: самолеты падают и падают, я по телевизору видела. Вот и спрашиваю:

– Скажите, жилет где?

Он так удивился, как будто его в первый раз о таком спрашивают, и показывает:

– Вот здесь.

– А маска где?

– Здесь.

– А прыгать куда?

– А зачем?

– А если катастрофа? Сами говорите, у аварийного выхода сижу.

Со мной рядом девчоночка с мамой сидят, девочка и давай спрашивать:

– Мама, мама, а что такое катастрофа?

– Это когда самолет падает, – объясняю.

Я ж сама педагог, не люблю, когда дети самых простых слов не знают.

– Вы чего ребенка мне пугаете? – девушка рывкает так зло.

Вот эти родители, молодо-зелено! Сами не учат и другим не дают!

Я ее и успокаиваю:

– Если что, я в авиакружок ходила в школе. На планере летать умею, с парашютом прыгала. – А мальчику и говорю: – Вы имейте в виду.

– Мама, мама, а мы что, прыгать будем?

– Да что вы нам мозги компостите, какой еще парашют! Бабуля выдумывает! – Девушка все шипит, аж покраснела вся.

Я обиделась:

– Вообще-то с пятнадцати прыгала, у меня и значок есть.

– Мама, мама, а мне можно с парашютом?

– Сиди в окно смотри!

– Ну ма-ам.

Только отвлеклась, как мальчик сбежал. Вот и не поговорить теперь, а я, между прочим, серьезно! С парашютом я и правда прыгала, и не раз. Разрешали только с шестнадцати, вот я и соврала. Пришла в пятнадцать, а документы как-то и не спросили. Время другое было, словам как-то больше верили, не то что нынче.

И маму тогда обманула. Сказала, что на соревнование по бегу иду, – меня и отпустили еще с вечера на подготовку. Заночевали мы тогда в амбаре посреди поля. Холодно ночью было, ветер еще выл, крыша громыхала – жуть! А утром прыжки. Да не с самолета, а с воздушного шара. А как-то мучительно на нем, он все поднимается, бортики низкие такие, а ты видишь все, знаешь, что тебе туда прыгать. До тошнотиков как-то. Нас еще и по весу высаживали, чтобы парашюты не запутались. Я последней была.

Стою я на бортике этом, а под ложечкой так и завывает. И как в спину меня ткнули! Я ж вроде и видела, что всех толкают, а все равно неожиданно. Дергаю, дергаю парашют, а он ни в какую! И сердце где-то так долбит, что в ушах отдается. Еще раз дернула – раскрылся все-таки! Да только ветер как налетел да как унес меня в сторону! Я ж по весу ниже нормы была, вот меня и потащило. Приземлится-то приземлилась, а все равно несет вперед, по полю, прямо в боярышник. Колени, локти, лицо в кровь разодраны, но хоть жива. Пришла я позже всех, реву, но отчитываюсь: прыжок с пара-

Не могу читать, глаза болят, давление скачет. Привыкла уже слушать книжки, радио мне нравится. Да только они по этой радиостанции уже пятый раз «Войну и мир» читают, сил моих больше нет, я уже всех Ростовых наизусть выучила.

шютом совершила. Надо мной в штабе посмеялись, залили зеленкой и отпустили домой. Дома мама, конечно же, как начнет кричать: это как это ты так бегала, спрашивает. А я и говорю: долго бегала, вот и упала. Она причитает все: куда это ты так упала, только правду говори. Я и сказала правду: в боярышник.

Мама только головой покачала. Она ж сама чемпионка по легкой атлетике была, так что знала; на соревнованиях всякое случается. На ее похороны столько спортсменов заслуженных приехало, а я в куртке этой куцей... К ней-то я и летала в последний раз тогда. Хоть так попрощаться, раз иначе не успела...

Внучка у меня только через год родилась, так и умерла мама бабушкой, до прабабушки не дожидая.

Ой, голова кружится от газеты. Не могу читать, глаза болят, давление скачет. Привыкла уже слушать книжки, радио мне нравится. Да только они по этой радиостанции уже пятый раз «Войну и мир» читают, сил моих больше нет, я уже всех Ростовых наизусть выучила. Хорошо хоть, внучка обещала дать устройство какое-то, где книжки слушать можно. Даже Диму Быкова мне обещала загрузить, лекции его по литературе. Он, конечно, умница, но оппозиционер такой, вот мне это совсем не нравится. С внучкой сколько раз ругались, а после выборов президентских так вообще месяц не разговаривали, как она сказала, что за эту прости-господи голосовать ходила! Как вспомню, так ахну.

Покормили еще ерундой какой-то. Нет бы супа сварили или котлету какую дали. Сунули кекс сухой да чаю налили, даже лимона нет. Со злости чай три раза просила, ведь такие деньги за билет отдали, половину моей пенсии повышенной!

Напилась этого чаю, аж в ушах булькает. Дай, ду-маю, в туалет схожу. Дергаю за ремень, а отцепиться не выходит. И так, и этак. Соседка на меня и не смотрит. Стыдоба-то какая! Тут гляжу, напротив мужчина поддел как-то и отцепился. Я давай тоже за ним повторять, как в авиакружке показывали. Получилось.

В туалете с краном не разберусь никак. И так, и этак кручу – не получается. И тут как по волшебству вода сама полилась! Как так-то? Непонятно. Руки сушить тоже неясно где. Вижу штуку, на которой человек нарисован. Страшно, конечно, вдруг нажмешь что, и самолет развалится. Я-то хоть на планере умею, а остальные?

Да и, честно говоря, на планере-то я лет шесть-десять назад летала, когда сын еще не родился.

Поднесла руки – как зажужжит! Испугалась, отдернула. Разозлилась: чего это я? Блокаду пережила, с парашютом прыгала, двоих детей родила, внуков выходила, в школе десять классов выпустила, а тут плошаю. Засунула руки внутрь, держусь.

Дверь толкаю наружу, а не открывается. Я уж затряслась: а вдруг останусь здесь до конца? Сердце колотится, таблетки в куртке, а куртка-то на полке!

Тут дверь открылась, а там соседка моя с девочкой:

– Миленькие мои, спасибо! – Я их чуть ли не целовать стала. Мамаша от меня шарахнулась только.

Села я на место. А соседей все нет и нет. Уже снижение объявляют, а они не вернулись. От еды живот прихватило, что ли? Уж забеспокоилась.

Вернулись, плюхнулись на место. Мамаша злобно мне так:

– Могли бы предупредить, что дверь заедает!

Я молчу уж, стыдно.

Сели. В ладоши все хлопают, я тоже стала. Чудно так, пилот же все равно не услышит, нам еще на кружке рассказывали, что там у них изоляция полная.

Я так из Магадана как-то раз летела с журналистом. Мужчина приятный поначалу был, удостоверение всем показывал, вот нас и пустили к пилотам в кабину. Ух, как неприятно: смотришь, смотришь, а вокруг пустота, будто и не летишь вовсе, а ви-сишь на веревочке и вот-вот сверху-то и отпустят. Я потом с журналистом этим сдуру коньяка и на-

клюкалась, а он мне все голову на грудь норовил пристроить – стыдоба-то какая, я ж от мужа летела вообще-то.

И сейчас от мужа лечу, да кому я уже сдалась такая... Ногами едва волочу, сил нет сидеть даже. А как только все встали, я тоже подскочила, аж ногу свою забыла! Сумку взяла, куртку и вперед полезла. Куртку на ходу пытаюсь нацепить, да что-то как-то большая она мне. Сую руку в карман, а там денег нет! Украла, думаю, пенсию мою повышенную! А паспорт лежит. Да только не мой. Ой, и куртка не моя!

Потащилась я обратно, все ворчат, ругаются, чего это я возвращаюсь, а у меня же куртка там!

Подхожу к месту, глянь, а там мужчина паспортный стоит и куртку мою уже мнет. С пенсией!

Я и говорю:

– Давайте меняться.

А он и говорит:

– Ой, хорошо, что вернулись, а то у меня там ключи от сейфа, где деньги лежат.

Я про свою пенсию не сказала, еще неизвестно, сколько там у него в сейфе лежит, а у меня-то пенсия повышенная. Десять тысяч рублей, между прочим!

Выхожу из самолета, значит, а дочки нет. Думаю, ладно, надо дальше идти. Иду по коридору, иду, а ее нет. И на выдаче багажа ее нет. Звоню, а она не берет. Думаю, ну вот, приехала, называется. Я ж и адреса-то не знаю, как добираться.

А люди с сумками, радостные такие, все выходят и выходят. Взяла я свою сумку и потащила к выходу. Всех встречают, даже соседку мою вредную встречает мужчина с бородой, на моего-то в молодости как похож! Ух, как на него тогда вешались, я чуть со злости не лопнула, когда к нам одноклассники его расфуфыренные притащились. Была у них первая красавица Роза, так она на встрече выпускников все танцевать его зазывала, а у Сенечки только зубы резаться начали, вот я и уснула прямо на стуле в углу. Потом два дня не разговаривали!

Видела я недавно ту Розу, не красавица уже совсем. Я, конечно, тоже не красавица, но хотя бы без палочки хожу, креплюсь! А то посмотрела бы, как она сейчас с той палочкой мужиков чужих танцевать бы потащила!

Как он там? Девять кошек накормить – это тебе не шутки...

А тут и мои подоспели. Сумку забрали, на такси ведут.

Подъезжает машинка желтая, их тут кутерьма такая! У нас-то дома все машины вразной, а здесь

только белые, желтые, с надписями, и сигналят все, ругаются будто...

Выходит таксист из машины. Негр. Вот самый натуральный. Нет, я, конечно, знаю, что сейчас их вроде нельзя так называть, но как можно-то, не все же они афроамериканцы, а если он наш родненький, после Олимпиады родился, то как называть-то? Негр и есть. У нас, как сезон начинается, так сразу на пляжи выходит троица – все «Чунга-Чангу» изображают, с детками фотографируются. А жены их косички на набережной плетут и эти, как их там, дартсы... Мне эта мода нынешняя вот вообще не нравится, внучка тоже все ходит, а на голове черт-те что: виски выбрила, чисто новобранец. А она смеется только, говорит: бабушка, ты ничего не понимаешь, сейчас это самый писк. Да хоть рев, себя-то чего портить? Балахоны эти напялят, на ноги не туфельки, а спортивные, а потом удивляемся, что до тридцати в девках засиживаются. Вот поэтому я и не прабабушка еще.

Хотя... я-то свою косу как в двенадцать обкорнала, так больше и не отращивала. Голова от нее трещала, так тяжело было, да никто и не носил. Мне стрижку хотелось, вот чтоб как у всех. Я ж тогда не понимала еще, что стригутся так коротко, чтоб вшей не было. Не все же, как мы, жили... Мама-то как плакала! Нашла мою косу, убрала в сундук. Где тот сундук сейчас?

Чудно так, внутри-то ты все еще девчонка, которая тайком от мамы с парашютом сигает и на танцы бегаешь. А то, что глаза не видят, уши не слышат, ноги не ходят – так то чужое тело, не твое.

Разве ж мне так сложно в такси залезть? Разве ж мне *может быть* так сложно?

У водителя спрашиваю, вот чисто из вежливости.

– А вы откуда такой?

Дочка меня в бок толкает. Я отодвинулась.

Он и отвечает без акцента почти, получше наших-то:

– Из Уганды.

Я и спрашиваю:

– И как вам здесь, не холодно?

Дочка снова толкается. Места ей мало, что ли.

А он и отвечает:

– Да нормально, раньше было холоднее. Глобальное потепление, знаете ли.

А я говорю:

– А мне холодно. У нас в Крыму сейчас 18 градусов, знаете ли.

– А в Уганде 25.

– Тоже хорошо, да...

Едет он, едет. Мне дочка все про больницу говорит, а я понять не могу, чего это негру нашему женский голос подсказывает: налево поверните, направо поверните, там камеры, тут авария. Я не удержалась уже:

- Начальница ваша?
- Не понял?
- Ну кто вам объясняет, как доехать? Вы же не местный, тяжело, наверное...
- Мама! – Дочь уже истолкалась вся.

Таксист засмеялся и говорит:

- Это навигатор, машина такая.

Ничего не поняла, еду, в окно все смотрю: магазины, кафе, барбишопы непонятные, не по-русски все как-то...

Странно так: вроде и была здесь столько раз, а все по-новому. Как когда на воздушном шаре в первый раз поднимаешься и вроде знаешь, как что выглядит, а нет, все иначе. Время ведь тоже такой шар. Мы все думаем, что это поезд, который вперед несется, а это шар и есть. Несет тебя все дальше, все выше, и ты с высоты этой уже не разбираешь, что там внизу-то и происходит. Чем дальше, тем все мельче кажется, непонятнее как-то. Расплывается, как в том аппарате, где зрение проверяют. А потом тебя пинком под зад-то и выкидывают. Сначала папу, потом маму, двоюродных-троюродных, соседей... Полпереулка нашего уж нет, стоят дома заколоченные, а собаки с кошками голодные шатаются... Откуда у меня девять кошек-то?

А ведь наркоз третий будет. Каждая операция – чисто парашют, может и не раскрыться. А дальше что? Небо очень черное, земля голубая, а Бога не видно?

Как же мой-то с кошками справится?

- Мам, приехали, говорю! Ты чего выпадаешь?

Смотрю: у подъезда стоим. Таксист наш вышел, дверцу мне открыл, руку подал, вот какой молодец.

Я ему руку жму:

- Передавайте привет братской Уганде.
- Обязательно. А вы Крыму. Обещаете? – Улыбнулся, а зубы такие белые-белые, аж в глазах чего-то зашипало.
- Куда ж я денусь-то?
- Смотрите, я проверю! – Пальцем покачал, сел в машину и был таков.

Дочка подставила локоть, я ухватилась, говорю, давай на лавочке посидим, подышу хоть Москвой вашей, а то вдруг потом не увижу. Дочка рядом сидит, руку мне все сжимает. Я из куртки вытаскиваю конверт с пенсией и списком, листочек тяну.

– Я здесь список сделала на всякий... Ты мне, главное, полонез Огинского поставь, а с едой на поминках сама посмотришь...

- Мам, да ты чего? Мам, ну хватит тебе! Хирург первоклассный, анестезиолог свой, проверенный. Нормально все будет, мам. Мам, ну ты как?

А вижу, у нее уже глаза на мокром месте. Разозлилась так на себя, спину выпрямила и отчитываюсь:

- Самочувствие хорошее. Настроение бодрое. Знаешь... я домой когда полечу, можешь опять этого негритенка мне вызвать? Пирожков ему напеку.

ТАРАКАНЫ

Я росла в коммунальной квартире в угрюмой сталинке на окраине нашего недовгорода-недокурорта. Трешка: с одной стороны – алкоголик Вася, по слухам, насильничавший свою парализованную сестру, с другой – сумасшедшая старуха Люба, которая то и дело забывала выключать на кухне газ. А посередине мы – обычная неблагополучная семья из лета 90-х, в которой люди сходились, встречались, женились и рожали не по любви и не по расчету, а по одной лишь протестной дурости «потому, что могу». Когда мне было два, отец нас бросил (мамина версия) / его выгнала мать (папина версия). Время от времени они сходились на поле боя в нашей комнате, предъявляя друг другу бесчисленные счета, а я пряталась за шкафом, заползала под кровать, забиралась на подоконники, чтобы вынудить их искать, чтобы хоть на миг заставить забыть о том, как они ненавидят друг друга, и вспомнить о том единственно общем, что у них действительно когда-либо было, – обо мне, запропастившейся на просторах 17 метров.

По ночам мама ходила с подружкой на дискотеки, возвращалась порой не одна. В двадцать пять она застряла с ребенком в чужом городе, да еще и как-то вдруг в чужой стране, где муж загулял с несовершеннолетней помощницей, а соседи гадили в еду. Можно ли ее осуждать? Подожду своих двадцати пяти, пожалуй.

Так вот, по ночам я часто оставалась одна.

Мама уходит, гаснет свет. «Спи, какая тебе разница, здесь я или нет?»

«Мама молодая», – вторит ей подруга. Ух, как я ее ненавижу.

Мне четыре, и я знаю наверняка, что в квартире много тараканов: если не мы, то соседи уж точно дадут им раздолье. Я знаю и то, что тараканы выйдут наружу по ночам. Я видела, как они кишат в стоке ванной. Пришли на водопой, черти.

Чертей звала по ночам баба Люба за стенкой, а я в ее ведьмины силы верила.

Гаснет свет.

Я жмурюсь и залезаю с головой под одеяло.

В моем воображении тараканы почти кубриковским потоком крови заливались в комнату. Тараканы на полу, на шкафах, на тумбочке и, что самое страшное, на кровати.

Тараканы приходили за мной.

Утром, когда после беспокойного сна я все же просыпалась, тараканов не было, но как же я страшилась проклятой ранней южной темноты, когда мама снова меня бросала, а я снова оставалась наедине со своим врагом: всего лишь ребенок против бесчисленной и неумолимой армии.

Именно тараканы. Не пауки, саранча, медведки, двухвостки, сколопендры, змеи – постоянная крымская живность.

Тараканы – вот кого я ненавидела.

Поэтому когда Ирина, хозяйка квартиры, в которой мы с мужем (студенты чуть за двадцать, уставшие ютиться по обшарпанным коридорам и укрываться в ваннах) решили снять комнату, упомянула тараканов, я сразу настожила.

– Квартира, значит, двухкомнатная, но вы снимаете только одну. Спальня закрыта. У вас гостиная, 17 метров, светлая, чистая. Проводили санобработку. Тараканов нет.

Мы нашли единственное объявление, в котором крупными буквами стояло «АГЕНТАМ НЕ ЗВОНИТЬ, САМИ АГЕНТЫ», а к жильцам не предъявлялось непомерных для студентов требований. Снять комнату в квартире без соседей предлагалось аж за десять тысяч рублей. Своя комната, тараканов нет, кроме нас, жить никто не будет.

Все это я держала в голове, пока мы поднимались по лестнице, отчетливо отдающей кошачьими (так я надеялась) экскрементами. Дверь в квартиру оказалась деревянной, ее как будто и не меняли с постройки дома. В коридоре Ирина шелкнула выключателем.

– Лампочка перегорела, видимо, – с тенью облегчения выдохнула она.

Дверь в комнату была куда серьезнее: металлическая, с двумя замками и глазком. Повозившись с ключами, Ирина наконец распахнула дверь и с улыбкой начала:

– Вот так мы и жи... – крикнула. – Ой!

Я растерянно оглядывала квартиру: обои от окончательного падения спасали лишь плакаты с полуголыми девицами, повсюду торчали бутылки и полные пепельницы, гардина тряпкой свисала на середину окна, а посреди комнаты в завершение эстетики декаданса лежало давно затвердевшее разбитое яйцо.

Тараканы бы все смели, мелькнуло в голове.

Ирина погрызла ногти, откашлялась и деловито спросила:

– За девять возьмете?

Мы с мужем переглянулись: яйцо оттереть проще, чем терпеть соседей за стенкой.

Рассчитались.

Яйцо отскоблилось от линолеума минут за срок, на уборку ушел еще месяц. За это время я поняла, что если в гостиной пили, курили, жарили яйца и девушек из журнала «Флирт», то на кухне, в ванной и в коридоре жгли мебель, пили боярышник и ходили под себя.

В войне с хаосом с целью построить в нашей квартире полноценное хюгге я взяла на вооружение

текстильный отряд особого назначения из братской «Икеи». Но на пути к мешанскому уюту оказался нарушитель, куда более злостный, чем обычный бардак.

Тараканы.

Посеревшие без света шастали по платяному шкафу. Рыжие бегали по холодильнику и столу. Черные обитали в ванной. Больше всего я ненавидела белых. Белый таракан – урод вдвойне.

Терпение лопнуло, когда я нашла их логово в поддоне чайника. Того самого чайника, который я ставила, чтобы намотить себе стереотипного какао, чтобы усесться на широкий подоконник, вернуться в свежкупленный плед и погрузиться наконец в собственноручно организованное хюгге где-то на забытой богом окраине Ясенево, но все еще по верную сторону МКАД, радуясь, что пробилась, что смогла, что мне больше не нужно находиться в коммуналке-сталинке или общежитии-хрущевке, что мне не нужно оставаться человеком второго сорта. А эти тараканы, эти выгоревшие – от вечного жара? от недостатка солнца? – тараканы, угнездившиеся прямо внутри моего чайника, вновь объявляли мне войну, напоминая о том, что можно вывезти девушку, но не из девушки, что ты все еще тот же самый таракан, который ищет себе местечко потеплее да понадежнее, куда вечная тапка провидения все же не долетит.

Я испробовала все. Совсем не набоковскую «Машеньку», аэрозоли, от которых закладывало нос, ловушки, липкую ленту. Видеть умирающих тараканов стало для меня высшим блаженством. Смывая их в унитаз, я вела счет потерям противника: три, пять, десять.

Спустя два месяца изматывающих столкновений тараканы выкинули белый флаг и едва поредевшим строем удалились. За одну ночь.

Я победила.

Триумф омрачился лишь окружением: за порогом квартиры по-прежнему царил хаос. Во всех смыслах исписанные стены, подожженный мусоропровод, сломанные лавки во дворе. Около лифта и вовсе уже несколько дней валялся мужик неопределенного возраста, национальности и места жительства. Определенной была лишь его деятельность: он спал.

Утром в воскресенье нас разбудили бесцеремонным стуком в дверь и по-энтэвэшному пугающим лозунгом:

– Откройте, полиция!

Заспанные, ошарашенные, мы кое-как оделись и распахнули хлипкую дверь. Двое полицейских поддерживали подлифтового мужика.

- Эти здесь, а он там! – верещал женский голос.
- Сразу узнала скандальную соседку снизу.
- По какому праву не пускаете собственника в дом? – спросил один из полицейских.
- Мы растерянно переводили взгляд с одного на другого.
- Документы! – рявкнул участковый.
- Торопливо выдали свои паспорта:
- Крымская АССР, ясенюк! – выплюнул полицейский.

Я жалко отбивалась своей московской регистрацией в общежитии, понимая, что никому нет до нее дела: ведь я не местная и муж мой не местный, а вот он – подлифтовый – очень даже местный, поэтому по умолчанию имеет прав больше, чем я, пусть я иду аж на красный диплом в МГУ, и работаю, мотаясь по школьникам после пятых пар по всей Москве, чтобы помогать родным деньгами (не из двух тысяч стипендии же в самом деле!), и пишу что-то, а он вот... лежит.

В конце концов полицейский залез в паспорт к подлифтовому. Оказалось, что он не то что не собственник, но даже не прописан в этой квартире. Стало ясно: объявился тот самый родственник Слава, про которого нам клятвенно обещали, что мы его в глаза не увидим.

Полицейские погрузнели и свалили. Приехала Ирина, поругалась на Славу, прихватила его, обещала, что такого больше не повторится, и была такова.

В субботу в перерыве между парами мне позволил муж.

- Ты погуляй сегодня подольше.
- Это почему это?

Шестой учебно-рабочий день, и все, чего я хотела, – это моя субботняя пицца и мой субботний фильм на субботнем диване. Хюгге, хули.

- Тут Слава пришел. И не один.
- И?
- Он с подругой.
- И?
- Они решили готовить рыбу.
- И?..
- Она хотела запечь, а он пожарить.
- И?
- Она долбанула его по голове сковородкой.
- И?!
- Он побежал за ней с ножом.
- И?!
- Она в ванной закрылась.
- И?
- Он дверь поджег!

Я выругалась. Муж подтвердил мое мнение и повторил:

– Погуляй пока.

Подлифтового Славу поздно ночью забрала Ирина, уже капризно скуксившись: «Сами не можете разобраться?»

Утром просыпаемся – у холодильника лужа. Снаружи ждал вырубленный счетчик. И, конечно же, ухмыляющийся Слава на лестнице.

Ирине надоело его вылавливать. Она не брала трубку или велела выяснять отношения самостоятельно, не забыв предупредить: «С женщинами он не очень, так что аккуратнее там».

Кухня, ванная, туалет, коридор – все это вновь стало обрастать тем, от чего я так старательно избавлялась. Слава расстарался на славу.

Как назло, в это же время у меня резко снизилась нагрузка в универе, так что процент дома и вне дома вдруг дал крен. Я сидела за железной дверью, прислушиваясь к шорохам, даже не рискуя высунуться, пока он был на месте. Так мы продержались еще месяц. В какой-то момент я поймала себя на том, что с тоской посматриваю в окно – не высматривая своих собратьев по несчастью в доме напротив, а подумывая о свободе. Свободе от моей теперь светлой, просторной и чистой комнаты, за порог которой ходу нет.

От переезда останавливало лишь упрямство: разве можно было сдать, разве можно было вернуться к себе с поджатым хвостом, разве можно было сдать свое отвоеванное... этому?

Как-то ночью, когда Славы не было в квартире, я вышла в туалет. У сливного отверстия раковины сидело два таракана.

Утром я собрала вещи.

Мы съехали с той квартиры спустя три месяца после заселения. Оказались в другой, совсем недалеко. Оттуда сбежали еще через год после конфликта с хозяином. Посреди ночи и почти что в никуда.

Тогда мы и вернулись в общежитие, только уже аспирантское, где супругам можно было жить вдвоем в одной комнате в блоке из двух комнат.

Когда я только открывала дверь в блок, снаружи послышался шорох.

Замерла.

Отперев дверь, увидела на пороге соседской комнаты рыжего кота с по-детски любопытными зелеными глазками. Мимо него полз какой-то жук. Кот тотчас прихлопнул его лапой, схватил и прожевал.

Там не было тараканов.

И тараканом не была я.

Он фыркал, стонал, выругивался, потом заныл, что у него болит рука, и поменялся со мной местами. Вес дедушки резко перевалился на мою сторону, я лишь сцепила крепче зубы, слушая поскуливания о куртке, плохом запахе и несправедливости жизни.

В два шага он оказался рядом с нами. Тут же подхватил дедушку со второй стороны – сразу полегчало. Дедушка пробормотал еле слышно:

– Пагань.

Поддерживая дедушку, я присмотрелась к нашему почти волшебному помощнику: аккуратная стрижка, ровная борода, хорошие очки, часы при этом самые простые, спортивные, на ветровке нашивка популярного бренда умеренного соотношения «цена – качество». Он выглядел как человек, который хотел бы выглядеть лучше.

Через пару минут мы наконец добрались до зэбры.

– Сюда?

– Не-не-не! – Дедушка почти разозлился. – До жэдэ!

Тут уж я присвистнула. Район я знала: до железнодорожного километр, не меньше.

– Так давайте я такси вызову?

– Нне! До жэды! – Дедушка краснел и упрямылся.

Парень надулся сразу же:

– Дед, какой переход? Я не могу. Пора мне! Че с ним возиться?

И глянул на меня так злобно, как будто надеялся, что я его поддержу, и заранее обиделся, понимая, что нет. Такой здоровый, а ноет.

Сама по себе фраза «мужчины не плачут» испортила поколения мужчин, заставляя их подавлять общечеловеческие эмоции.

Я вцепилась в его рукав и подпустила в голос терпеливой настойчивости:

– До перехода, а там уж все.

Он покачал головой и пошел вперед – слишком быстро, так что дедушка едва-едва успевал переставлять ноги. Дедушку он придерживал за рукав, сохраняя безопасное для куртки расстояние. То и дело сглатывал и облизывал губы, так что кадык постоянно дергался, а язык нырял туда-сюда. Мне стало противно.

Через пару домов нам повстречалась женщина лет шестидесяти пяти – семидесяти с девочкой-подростком, пугливой такой – все пряталась. Оказалось, соседка. Повздыхала и заодно попросила довести дедушку до дома, ведь от переезда идти столько же.

Парень качал головой. Я понимала, что он вот-вот скинет дедушку на пенсионерку с ребенком, так что рывкнула, уже не скрывая раздражения:

– Ты мужик или нет? Дедушке помочь надо!

Он фыркал, стонал, выругивался, потом заныл, что у него болит рука, и поменялся со мной местами. Вес дедушки резко перевалился на мою сторону, я лишь сцепила крепче зубы, слушая поскуливания о куртке, плохом запахе и несправедливости жизни.

Сильным и слабым может быть каждый. Пол – это всего лишь набор гениталий.

Мне уже было все равно: лишь бы не бросил. Кое-как перешли железку. Парень тотчас скинул с себя дедушку, тот зашатался – я едва-едва успела его прицепить к забору.

– Держитесь. – Уткнулась в телефон и обратилась к юноше: – Погодите минутку, такси только подедет и..

Резво перепрыгивая через рельсы, он бежал прочь. Я выругалась.

Мужчина тоже может устать, с какой стати он должен уступать свое место?

Подъехала машина. Мимо проходила женщина, она и помогла мне запихнуть дедушку на заднее сиденье. Я села впереди, уже почти расслабившись: оставалось совсем чуть-чуть. Рано радовалась. Через пару поворотов мы встряли перед шлагбаумом.

– Вот и приехали, – лениво кивнул таксист.

Я смотрела на карту и качала головой. Издевательство какое-то, ведь дедушкин подъезд оказался самым дальним.

– Не поможете?

Таксист покачал головой и ткнул в навигатор: новый заказ.

Я считаю предложение уступить место в транспорте дискриминирующим, поскольку это еще один кирпичик в такой пережиток, как само понятие «слабый пол».

Я вышла из машины и огляделась: у шлагбаума во- зились строители. Крикнула:

– Молодые люди! С дедушкой не поможете?

От группки строителей отделилось два оранже- вых жилета. Вытирая руки о спецовку, один сказал с заметным акцентом:

– Грязные мы.

– Мы уже тоже не очень-то чистые.

Строители подхватили дедушку с обеих сторон, даже не подпустив меня к нему. Довели до подъез- да, протащили по лестнице, вызвали лифт. Я позво- нила в дверь квартиры, подождала, затем открыла дедушкиным ключом. Огляделась, прошлась: чисто, свет, вода есть, в холодильнике вроде не пусто, вот только что-то меня смущало, пока я не поняла, что это иконы, которые глядели на меня как будто бы осуждающе со всех поверхностей квартиры. Еще и запах ладана, из-под которого пробивалась та же горелая гречка.

Парни не стали заходить внутрь, побоявшись проблем с хозяевами. Я поблагодарила их и потяну- лась за кошельком, но они лишь шарахнулись в сто- рону. Как настоящие мужики.

Усадила дедушку в кресло, дала воды, уточнила еще раз, не нужно ли чего. Уже почти засыпая, он называл меня то Леночкой, то Анютой. Накрыла его пледом и ушла восвояси, потирая занывшую пояс- ницу.

В вагоне метро я прислонилась к задней двери и тут же уткнулась в телефон: высветился еще пя- ток то ли гневных, а то ли поддерживающих ответов к моему комментарию.

– Девушка, сядете?

Мужчина лет сорока с заметно тяжелой сумкой указывал мне на свободное место. Я благодарно кивнула и тут же шмякнулась, чувствуя, как отпу- скает спину.

Может быть, тогда в объявлении предложим усту- пать место и мужчинам тоже?

Ой. Я смотрела на этого уставшего мужчину сни- зу вверх, прислушиваясь к себе. Перечитала свой комментарий и щелкнула по крестику.

Ваше сообщение удалено. Желаете восстановить?

2. Виктор

Гулять он захотел, как же! Пошел за алкашкой, а свои же кореша и кинули. Болтается у стены, так

и поделом. Еще чего, ему помогать, пусть лохов ищет.

Тут сзади женский голос. Внутри как царапнет: не оглядывайся! Не оглянешься, как будто и не в курсе! Быстро ходишь, он и потеряется из виду.

Не выдержал, обернулся, а там девка метр с кеп- кой уже этого алкаша прет. Ну и куда ей?

Иди-ка вперед. Как будто не заметил, да? А тут чего-то Дашка вспомнилась, как она перед ухо- дом-то: ты убегаешь, а назад и не смотришь, Вить, иду я там или нет, ты только о себе и думаешь. Не- делю после этого бухал. Жалко, что не сложилось как-то...

Остановился. До собеседования еще минут сорок, но подойти нужно пораньше. Чтоб все чин по чину там. Если возьмут, то с первой же зарплаты кредит- ку прикрывать начну, а то задолбали уже эти тинь- коффские звонить. Мне вот одни очки тридцатку вышли, между прочим! Может, хату даже отдельную сниму, в комнате уже как-то несерьезно, двадцать пять лет как-никак...

Блин, нельзя так.

Затормозил и вернулся:

– Помогу. – Ей говорю, дурехе этой, не ему же.

Алконавт еще что-то вякнул. Взял я его, значит, с того боку, куда его перекосило, а тяжелый, черт. Идем, а голова его об меня все бьется тук-тук, да еще и слюни пускает. Хорошо еще, насморк, хоть не чую, чем воняет. Да я и так это знаю: ссанина да блевотина, так они и кончают, алкаши эти. Детей настрогают спьяну-сдуру, да с дурами такими же, а потом валяются: помогайте мне! спасайте меня! я больной! я не виноват! Ага, конечно.

Жизнь у них виновата, жена, начальник, наслед- ственность – только они не виноваты, да?

Аж в горле со злости пересохло. Пивка бы сейчас холодненького.

Вот и переход наконец-то. А дед как вцепился в руку, не отпускает.

– Дальше. – Еще требовательно так.

Я и решил поставить деда на место:

– На работу пора, сам дойдешь.

А девка-то эта выпендриваться как начала: ой, да как же мы его бросим, да он ведь старый, да надо помочь. Вот идиотка, правда думает, что та- кому еще помочь чем-то можно. Да сдохнуть под забором такому лучше всего. Других за собой не утянет!

«Скотина, опять унитаз разбил!» – вспомнилось чего-то, как мамка поутру орала в туалете. Нам с младшими потом еще три дня пришлось в ведро га- дить. Мать говорила к соседям ходить, а мне запад-

ло как-то было, поэтому во двор под куст выливал затемно, пока пацаны на улице не поймали. Спасибо бате, что еще и с фамилией услужил, Толкалин, блин. Толчком до самого переезда звали. Из одного клоповника в другой, так и живу...

А девка уже тащит этого алкаша дальше. Дура и есть.

Тут навстречу идет бабуся божий одувачник с девкой. Как давай вопить: куда тащите, вы хоть знаете, где он живет. Соседка. А девка соседкина хитрая, сразу в сторонку юркнула, почуяла, что сейчас придется дедом заниматься. Я так считаю, что раз соседка, пусть и разбирается, родных его вызванивает, сама помогает, верно же? Все же не чужой человек, я-то тут при чем?

А девка моя, дура которая, опять давай сопли пускать, что алкаша довести надо. Вот ей и надо было сказать: веди-веди давай! Посмотрю, как на своей гусиной шее потащишь. Спасательница, блин, нашлась, тебя кто спасет? Мамка тоже дура такая была, по всем подворотням выискивала, отмывала и ныла все: он не плохой, он просто больной. Он больной, а мы, типа, врачи ему все, да? Вот поэтому Анька до сих пор с ней и не разговаривает, как в универ уехала.

Девка ноет все, что от перехода сразу такси вызовет, только помощи. Ладно уж, дотащили. Я к забору деда прицепил и побежал, времени-то на него сколько убил! Девка так даже «спасибо» не сказала, от алкаша я и не ждал ничего.

Опоздал я, конечно. Сказали, жди теперь, пока позовут. Смотрю: кулер стоит, а так в горле свербит, пить охота. Налил себе, а тут из кабинета хипстер выходит какой-то, весь прилизанный, в носочках разноцветных и с айфончиком последним, аж воротит, фу. Меня позвали, я и глотка сделать не успел.

Эйчарша, баба ухоженная в розовом костюмчике, с порога так поморщилась, что у меня аж сжалось все: не почувствовал, а почуял, как несет дедом, увидел на штанах пятно, на ботинках грязь. Сука, а я ведь готовился! Вчера весь вечер наглаживал все, стрелки эти ублюдочные час, наверное, наводил, ботинки начищал, носки купил за пятьсот рублей, хотя в электричке вон продают пять пар за сотку. Да я даже пива вечером не пил...

Сразу понял, что она на меня болт забила. Ну а что мне, объяснять про алкаша этого? Опоздал, потому что деда через дорогу переводил, три раза ха-ха.

Через пять минут меня уже футболит вон: мы-вам-позвоним.

Я улыбочку из себя пытаюсь выдавить милую. Она так скуксилась сразу, что понял: зря.

– Я могу еще дослать макеты, которые не вошли в портфолио... – Получилось пришибленно. Еще одна подстава от бати: мужик мужиком, а голос бабий. Что ни делай, все жалко.

– Мы с вами свяжемся. – С нажимом так. Смотрит еще снисходительно, понимающе. Очки поправляет свои ручкой чистенькой с часиками такими на которые мне полгода копить. Этими ручками она говнецо-то не трогала ни разу, сразу видно. А кольца и нет, вдруг увидел. Сука недотраханная. Подумал, и чего-то сразу стыдно стало: может, и недотраханная, а здесь. А я где? Откуда выполз, туда и заползу.

Права Анька, что даже не пишет. И Даша тоже прava, что бросила.

В лифте долбанул кулаком по панели и сразу испугался: а вдруг снимают? В таких пафосных стекляшках камеры всегда есть. Вышел по-бырику. Смотрю – магаз напротив.

На кассе тетка косится, пробивать еще не хочет, паспорт спрашивает. Сую ей, она лыбится вдруг:

– С днем рождения!

– Ага, пасиб.

Вышел на улицу, сныкался за угол, открыл банку и хлебнул. Холодненькое, хорошо пошло. Хоть что-то хорошо идет.

А все алкаш этот виноват.

3. Михаил Степанович

Анюте надо мороженое купить в магазинчике вот у больницы. Там вкусное такое, как в детстве почти, советское, по ГОСТу. Не то что сейчас вот намешают невесть чего, а нам есть. По телевизору показывали, что в этом мороженом уже и молока-то нет, одни ГМО эти. Анюте такого добра не надо.

Леночка только все отмахивается, что я ерунду придумываю, вот и готовит из чего ни попало. Это понятно, Леночка на работе устает очень, тяжело без мужика-то. Да с поганцем ее не лучше было: ладно бы только куролесил, но еще и лупить вздумал! Сам каланча, а на бабу руку поднимал, как не совестно-то?

Я вот Ляльку свою за сорок лет ни разу пальцем ни-ни, хоть она и крикливая пуще сирены-то. Ну да, был грешок, с топором разок за ней бегал по двору. Довела ведь! Я шкафчик деревянный мастерил, сунулся за киянкой, а нет ее! Киянка еще дедова! Он со мной и возился, всему учил, так что руки мои золотые – его заслуга. Лялька, раззя-

Железку перешли, глянь – а поганца уже и нет. Леночка погрустнела так, жалко ей было его отпускать. Что за беда: ведь так она плакала, когда он сбежал, еще и колечко Лялькино прихватил, и деньги из тумбочки, и серебро столовое.

ва, взяла мою коробочку и выбросила! Довольная еще такая, говорит, хлам твой подчистила, хоть в сарае дышать есть чем. А в сарае не дышат, там работают!

Леночка как раз с одноклассницей тогда со школы пришла, а я вот бегая... Нехорошо вышло... Леночка у нас с Лялей поздняя девочка. Что было в нас сил, все ей и положено. Ну ничего, ничего, я еще на что-то гожусь...

Ой, в боку закололо. Надо за стеночку подержаться. Открыл глаза – а косо все как-то. И не выпрямиться, что за беда? И магазин какой-то не тот, зеленое что-то. Ус... Ка... Ксув... Вкус... Ой, голова кружится. Ой, не до мороженого мне. Лучше дома своих девочек подожду, кашку сварю гречневую полезную, с молоком. Не надо мороженого, все это гадость бесполезная, в передаче «Здоровье» говорили. Тяжко мне что-то...

Глянь – идет парень такой большой, что трактор. Точь-в-точь сослуживец Костя, его еще бегемотом звали за рев. Он как зевнет, так все упадут. Машка, жена его, все ругалась: некультурно, Костя, нельзя так, Костя. Нет Кости уже сколько лет... Из окна спяну выпал год назад, говорили... А мужику и шестидесяти не было, жалость какая.

– Молодой человек, помогите, пожалуйста. – Странно так: говорю одно, а получается каша какая-то.

Парень фыркнул только:

– На работу надо, это у тебя дела нет. – А голос противный такой, пискля, даром что здоровяк.

Осерчала: молодняк, а тыкает. Хотел добавить что-то, но язык что тряпка во рту, а парень уже исчез. Голову держать тяжело-то как! Мимо прошуршало что-то голубое. Выдавил:

– Помогите!

Остановилась. Мелкая такая, светленькая, глазенки большие. На Леночку... нет, даже на Анюту похожа больше. Анюта вырастет, такой и будет. И дедушкам на улице станет помогать, не то что этот пискля...

Девушка под руку взяла, все причитает про скорую зачем-то. А чего мне эта скорая? Только Леночку тревожить... Она и так нервничает много, мужики подлецы одни, на работе начальница лютует, не хватало еще, чтобы папка кровь ей портил-то.

Тут пискля вернулся. Бормочет что-то себе. Еще бы, перед девонькой-то повыделываться надо. Шаг сделал и уже бросает, главное. Все, говорит, дальше не пойду. А мне домой надо, еще обед приготовить, Анюта аппетит нагуляет, кушать захочет, а я кашку не сварил.

Девушка про такси все спрашивает, а зачем такси, если здесь до перехода, а оттуда уже два дома все-го? Да и деньги какие дерут за такси, все там обманщики одни! По телевизору говорили, как болельщика футбольного за три мои пенсии по Москве покатали! А я вот этого транжирства новомодного не понимаю. Как будто рук нет самим сделать, а ног – дойти.

Ташат меня все, ташат. Неудобно так, пискля в сторону отворачивается, как будто убежать все хочет. Самому же несподручно, надо бы подсобить. Я к нему, а он от меня. Чисто Леночкин поганец... Говорил ей, присмотрись сначала к парню, потом уже в загс. Да дело молодое, скорое... Леночка уже с животиком замуж выходила, что уж было поделать? Зато Анюта есть... В кошке... в окошке... в окошке наше солнышко. Не так что-то...

Тут навстречу Рая идет с девочкой какой-то, та в сторону как шархнула, будто черта увидала. Рая захлопотала все, ерунду про меня какую-то наплела, говорит, что до самого дома придется ташить. Я уже за писклю вцепился крепче, чувствую, что тикать вздумал.

А Леночка и повторяет опять: машину возьму, машину. Ну, хочет меня прокатить доченька, и ладно, что-то она ругается на меня часто, осерчала на меня как будто, а за что, и не знаю...

Железку перешли, глянь – а поганца уже и нет. Леночка погрустнела так, жалко ей было его отпускать. Что за беда: ведь так она плакала, когда он

